

Сабанчиева Л.П. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев. Вторая половина XVI — 60-е годы XIX века. Нальчик, 2005.

Тугуз З.Ю. Этнокультурные особенности гендерных отношений в Республике Адыгее. Майкоп, 2012.

Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // Этнографическое обозрение. 2010. № 3.

Т.П. Хлынина

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

Одним из основных источников современной этнополитической активности северокавказских этносов следует признать незавершенность советского проекта нациестроительства в регионе. Как свидетельствует исторический опыт, создаваемые здесь социалистические нации и «группы народностей» не соответствовали даже ставшему со временем классическим сталинскому пониманию их природы и предназначения. Призванные преодолеть «вековую отсталость» и «родовые пережитки прошлого», они строились по принципу мобилизационных колонн, необходимость существования которых в конечном итоге привела к их реификации и последовавшим за нею наделением этнических общностей различными формами политико-административной субъектности.

Интенсификация данного процесса в период социалистической модернизации, чьим следствием становится придание этносам прав политической субъектности в пределах разноуровневых национальных автономий, породила устойчивые представления о неразрывной взаимосвязи между сохранением этнической самобытности народов (конституирующихся тем самым в нации) и наличием у них той или иной формы государственного образования.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Подобного рода риторика активно используется в решении современных проблем развития северокавказских народов, ряд которых теснейшим образом связан с незавершенностью процессов начавшейся в предшествующий период территориальной консолидации многих из них. В качестве показателей этнополитической активности «титულных» этносов, тем или иным образом связанной с незавершенностью процессов нациестроительства на Северном Кавказе, рассматривались события общественно-политической жизни республик, деятельность национальных организаций и отдельных этнических активистов, вызванные

— начавшейся репатриацией сирийских адыгов в республики Адыгею и Кабардино-Балкарию;

— дискуссией относительно правового статуса последствий для адыгского мира Кавказской войны XIX в.;

— незавершенностью процессов реабилитации и проведением муниципальной реформы;

— разделенным положением этноса;

— административно-территориальными претензиями, возникающими между соседними субъектами;

— пристальным вниманием к «правильному» освещению этнической истории;

— необходимостью сохранения этнического самосознания в условиях диаспорального проживания народов.

Именно этот круг проблем стал индикатором продолжающихся процессов нациестроительства в регионе, которые в условиях начавшейся административной реформы, подготовки к зимней Олимпиаде–2014, разработки новой стратегии развития Северного Кавказа приобрели не свойственное им ранее «экзистенциальное» звучание. Если для периода «парада суверенитетов» необходимым и достаточным являлось повышение статуса автономных образований, рассматривавшихся гарантом полноценности существования этносов, то в настоящее время республики воспринимаются не столько сугубо номинальными федеративными институтами, сколько пространством, сдерживающим развитие этносов. Подобные симптомы наиболее характерны для адыгов и осетин, ощущающих комплекс «разделенного этноса», а также

балкарцев и карачаевцев, проживающих в двутитульных республиках. В то же время начавшееся обострение территориальных претензий и пограничных споров (Северная Осетия — Ингушетия, Чечня — Ингушетия) является наглядным подтверждением ущербности и незавершенности (в восприятии национальным сознанием) конфигурации нынешних национальных образований.

Всплески этнополитической активности определенной части северокавказских этносов вокруг «черкесского вопроса», войн памяти, разгорающихся на страницах учебной и профессиональной литературы, необходимости «справедливого» завершения процессов реабилитации депортированных народов и представительства их интересов в органах государственной власти, «выпрямления границ в соответствии с исторически сложившимися ареалами проживания народов», вызваны, помимо всего прочего, и ощущениями непрочности положения этносов в динамично меняющемся обществе. Именно это ощущение, по свидетельствам многочисленных информантов, уставной и делопроизводительной документации общественных организаций, становится одним из основных стимулов достижения народом состояния «полноценной» нации: *«Не думаю, что вопрос территории может быть сложным, если этнос не испытывает такого чувства страха, что он исчезнет. Есть Дагестан, 2,5 млн. Они говорят, Вы будете объединяться со Ставропольским краем. Они говорят, пожалуйста, хоть сегодня. А почему? Они чувствуют, что этот этнос не исчезнет. Достаточно плотно культура, язык, и поэтому они не испытывают каких-то территориальных комплексов. Черкесы почему уцепились за эту республику? Они что, не понимают, что юридически она не состоятельна? Но потому что это единственный способ хотя бы сохранить себя. Но если допустим возвращение черкесов. Черкесы в пограничном состоянии, рождаемость падает, постоянно эта острая мысль в мозгах у всех, что мы уменьшаемся»* [Полевые материалы 2012].

Для Республики Адыгея основными каналами продолжающегося нациестроительства и его формами на сегодняшний день выступают реализация права на возвращение зарубежных соотечественников на историческую родину как признание ответ-

ственности / вины России за демографическую катастрофу второй половины XIX в. и достижение внутриадыгского единства. Однако если по первому направлению северокавказские адыги занимают в целом консолидированную позицию, то в вопросе обретения внутреннего единства народа она до сих пор не достигнута. Наглядными свидетельствами тому являются результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. и «прецедент» А. Безрукова, пытавшегося зарегистрировать на территории Адыгеи национально-культурную автономию черкесов как «отдельного от адыгов народа» [В Майкопе суд отказал...].

Схожая ситуация наблюдается и в Кабардино-Балкарии. Однако в отличие от адыгов, проживающих в Адыгее и являющихся по существу титульным меньшинством, кабардинцы, будучи доминирующим этносом, сосредоточивают свои усилия на сохранении сложившегося в республике «статуса кво». Наиболее наглядным его отражением является современная учебная литература и профессиональная историография, подчеркивающие определяющую роль Кабарды в развитии региона имперского периода и необходимость поддержания последующего исторического порядка. Для кабардинского национального движения характерна «экстерриториальная» позиция, ориентированная на проблемы адыгского мира в целом. В свою очередь, балкарские общественные движения видят в начавшейся репатриации соотечественников потенциальную угрозу дальнейшего нарушения уже существующего этнодемографического дисбаланса, а также препятствие для решения сугубо «балкарских» проблем.

Поиск новых форм самоорганизации народов и строительства полноценных наций стал прологом становления и нового знания о прошлом. Для современного чеченского общества образ стабильного и внушающего уважение прошлого не просто дань традиции. Это прежде всего уверенность в полноценности национального существования, связанного прочными узами с российской историей. Признаваемое «историческое родство» вовсе не означает оправдания «колониальной имперской политики» или признания легитимности нынешнего административно-территориального членения региона. Оно означает лишь то, что, полагая

себя гражданами России, чеченцы хотели бы иметь (и в настоящее время активно его отстаивают) право на собственное видение своего прошлого. Прошлого, оценки которого зачастую противоречат его восприятию не только общероссийской, но и региональной историографией. При этом борьба за реализацию рассматриваемого права ведется не только по направлению переосмысления чеченской истории, осуществляемого силами профессионального сообщества в самой республике; но и по отслеживанию правильного истолкования прошлого в изданиях, выходящих за ее пределами.

Начавшаяся в республике кампания по защите «чести и достоинства чеченского народа» уже ознаменовалась инициативами по учреждению официального Института национальной памяти. Сделано заявление представителя исполнительной власти по поводу намерения телекомпании НТВ показать фильм, *«сплошь и рядом противоречащий многовековым морально-нравственным устоям чеченского этноса»* [Заявление Министра ЧР... 2012]. К ответу (пока еще в формате научной конференции) пытаются призвать ингушских соседей, из-под пера отдельных представителей которых *«вышел ряд не достойных порядочных людей <...> клеветнических статей и книг»* в отношении чеченцев и их истории [Умхаев 2012].

Авторы звучащих аргументов, как правило, апеллируют к академическому и беспристрастному научному знанию, а также к необходимости уважительного отношения к многовековым традициям и культурным ценностям чеченского народа. При этом многие из них являются изобретением более позднего времени и отражают скорее идеальные представления о прошлом, нежели его реалии.

Библиография

В Майкопе суд отказал в регистрации местной Национально-культурной автономии черкесов. URL: <http://kavkaz-news.net/alldaynews/12600-v-maykope-sud-otkazal-v-registracii-mestnoy-nacionalno-kulturnoy-avtonomii-cherkesov.html>

Заявление Министра ЧР по внешним связям, национальной политике, печати и информации Ш.Ю. Саралиева по поводу пред-

стоящего показа фильма «Откричат журавли» на телеканале НТВ.
URL: <http://www.nana-journal.ru/index.php> <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/371-58-html> (дата обращения: 24.06.2012).

Умхаев Хамзат: «Историческое» мифотворчество. URL: <http://www.nana-journal.ru/index.php> <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/371-58-html> (дата обращения: 24.06.2012).

Источники

Полевые материалы автора (ПМА).

Республика Адыгея, г. Майкоп. Запись 27.07.2012. Респондент: М.П. Берзегов.

Д.А. Цокиева

СОВРЕМЕННЫЙ И ТРАДИЦИОННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ИНГУШЕЙ: ЭЛЕМЕНТЫ И АТТРИБУТЫ

Свадьба у ингушей, как и у других горцев, представляет собой красивое зрелище. Это был праздник не только для семьи и родственников, но и для аульной молодежи: она здесь не только развлекалась, свадьба была местом смотрин, местом выбора невест и женихов. Молодежь заблаговременно готовилась к данному событию: девушки вышивали носовые платки, шили праздничные наряды, молодые люди придумывали остроумные головоломки, загадки, изречения для беседы с девушками во время *зоахалол* — шуточного «сватовства» [Кудусова 1991: 63].

В современном ингушском обществе национальный костюм девушка надевает только в день свадьбы. Он отличается особой пышностью. Свадебное платье должно быть белого цвета. Это цвет чистоты, благородства. Он связан с представлениями о светлом, добром, нравственном. Белый цвет ассоциируется с дневным солнечным светом, нравственной чистотой, считается олицетворением жизни и благополучия [Дзарахова 2010: 18].

Костюм невесты состоит из приталенного нижнего платья — *чура коч*, верхнего распашного платья *млера коч*, «на которое по обеим сторонам пришивались *дото* — серебряные нагрудники